УДК 341.9:347.952

Козловский С.К.

студент

Казанский институт (филиал)

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России)

(г. Казань, Россия)

Идрисов А.М.

студент

Казанский институт (филиал)

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России)

(г. Казань, Россия)

Научный руководитель:

Залюкова Г.И.

кандидат юридических наук

Казанский институт (филиал)

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России)

(г. Казань, Россия)

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ НА ПРИЗНАНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *в статье рассматривается влияние иностранных ограничительных мер и российских ответных экономических мер на признание и исполнение иностранных судебных решений. Обосновывается необходимость разграничения судебного признания решения,*

выдачи исполнительного листа и последующего исполнительного производства. Предложена модель санкционно обусловленной исполнимости, основанная на оценке конкретных последствий ограничительных мер, а не на происхождении судебного акта.

Ключевые слова: *иностранное судебное решение, признание, экзекватура, исполнительный лист, исполнительное производство, исполнимость, международные санкции, ограничительные меры, публичный порядок, исключительная компетенция, судебный пристав.*

Иностранное судебное решение приобретает практическую ценность только тогда, когда его содержание может быть реализовано за пределами государства, суд которого разрешил спор. Если имущество должника находится в Российской Федерации, иностранному взыскателю недостаточно получить положительный судебный акт. Решение должно быть признано российским судом, допущено к принудительному исполнению, после чего выданный исполнительный лист предъявляется судебному приставу либо непосредственно в банк или иную организацию. Санкционные ограничения изменили каждый элемент этой последовательности. Они способны затруднить участие российской стороны в иностранном разбирательстве, повлиять на международную подсудность, воспрепятствовать оплате судебных расходов, ограничить деятельность представителей и заблокировать перечисление взысканных денежных средств. При этом международные санкции не образуют единой категории. Следует различать ограничительные меры иностранных государств и международных объединений, применяемые к российским лицам, и специальные экономические меры, установленные Российской Федерацией в отношении иностранных государств, организаций и граждан. Правовая оценка иностранного решения не может основываться исключительно на том, что оно вынесено судом государства, включённого в перечень недружественных стран. Подобный подход означал бы замену судебной проверки политико-территориальным критерием. В то же время игнорировать последствия санкций российский суд также не вправе, поскольку они способны непосредственно

затронуть право стороны на доступ к правосудию и равноправное участие в процессе.

В российском праве признание иностранного судебного решения и его принудительное исполнение представляют собой связанные, но не тождественные юридические действия. Признание означает распространение на территории Российской Федерации правовых последствий иностранного решения. Приведение в исполнение предполагает выдачу разрешения на применение мер государственного принуждения. Непосредственное взыскание производится уже в рамках исполнительного производства. По экономическим спорам соответствующие вопросы регулируются главой 31 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. В соответствии со статьёй 241 АПК РФ решения иностранных судов признаются и приводятся в исполнение, если это предусмотрено международным договором Российской Федерации и федеральным законом [1]. В отношении решений по гражданским, семейным и иным делам применяются статьи 409–417 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [2]. Н. Ю. Ерпылева и Д. М. Максимов отмечают, что признание иностранного решения представляет собой проявление действия публичной власти одного государства на территории другого и поэтому предполагает наличие допуска со стороны правопорядка государства исполнения [3, с. 201]. Российский суд не продолжает рассмотрение иностранного дела и не проверяет правильность применения иностранного материального права. Его задача состоит в установлении условий, при которых иностранному судебному акту может быть предоставлена юридическая сила в России. Пересмотр спора по существу на стадии выдачи экзекватуры не допускается. Суд не должен заново исследовать доказательства и решать, правильно ли иностранный суд истолковал договор. Однако санкционные обстоятельства нередко находятся на границе между проверкой процессуальной допустимости решения и недопустимой переоценкой дела. Например, невозможность российской компании оплатить услуги иностранного представителя относится к условиям доступа к правосудию, тогда как несогласие с размером взысканных убытков затрагивает

существо спора. Перечень оснований отказа закреплён в статье 244 АПК РФ. К ним относятся отсутствие вступления решения в законную силу, ненадлежащее извещение стороны, нарушение исключительной компетенции российских судов, наличие ранее принятого российского решения, истечение срока предъявления решения к исполнению и противоречие публичному порядку Российской Федерации [1]. Санкции прямо не названы среди самостоятельных оснований отказа. Их правовое значение раскрывается через последствия, которые они вызвали в конкретном разбирательстве. Прежде всего ограничительные меры могут повлиять на надлежащее осуществление права на защиту. Российское лицо, включённое в иностранный санкционный перечень, способно столкнуться с отказом банка провести платёж, невозможностью оплатить государственную пошлину, запретом иностранным адвокатам оказывать юридические услуги или ограничением доступа к отдельным электронным системам суда. Внешне судебная процедура может соответствовать законодательству иностранного государства, но фактические возможности сторон окажутся неодинаковыми.

В таком случае основанием отказа должно быть не само наличие санкций, а доказанная невозможность представить объяснения и полноценно участвовать в разбирательстве. Эта связь имеет принципиальное значение. Российская сторона не может ограничиться указанием на общий режим экономических ограничений, если она получала судебные документы, располагала представителем и участвовала в рассмотрении дела без существенных препятствий. Обратная ситуация возникает, когда лицо предпринимало разумные действия для защиты, но они оказались безрезультатными именно из-за санкционного режима. Подтверждением могут служить банковские сообщения об отклонении платежей, отказы юридических консультантов, переписка с иностранным судом, документы о невозможности въезда в государство проведения разбирательства или доказательства блокировки электронного доступа. Совокупность таких обстоятельств позволяет установить не абстрактную, а фактическую невозможность участия.

Значительное влияние на рассматриваемую сферу оказывают статьи 248.1 и 248.2 АПК РФ, введённые Федеральным законом от 8 июня 2020 г. № 171-ФЗ [4]. Арбитражные суды Российской Федерации получили исключительную компетенцию по отдельным спорам с участием лиц, в отношении которых применены иностранные ограничительные меры, если такие меры создают препятствия для доступа к правосудию за рубежом. Российское лицо также вправе требовать запретить инициирование или продолжение иностранного разбирательства. Данные нормы непосредственно связаны с последующим признанием решения. Если спор относился к исключительной компетенции российского суда, вынесенное за рубежом решение может не получить разрешения на исполнение на основании пункта 3 части 1 статьи 244 АПК РФ. Однако часть 5 статьи 248.1 АПК РФ не допускает автоматического отказа: иностранное решение может быть признано, если подсанкционное лицо само обратилось с соответствующим иском либо не возражало против рассмотрения спора иностранным судом.

Следовательно, поведение российской стороны приобретает самостоятельное правовое значение. Лицо не должно иметь возможность активно участвовать в иностранном процессе, ожидать его результата, а после вынесения неблагоприятного решения впервые ссылаться на исключительную компетенцию российских судов. Иной подход нарушал бы принцип добросовестности и создавал возможность процессуального манипулирования. Одновременно отсутствие заявления об антиисковом запрете не всегда означает добровольное согласие с иностранной юрисдикцией. Суду необходимо установить, могло ли подсанкционное лицо своевременно обратиться за защитой, знало ли оно о разбирательстве и выражало ли возражения иным способом. Формальное бездействие и осознанное принятие компетенции иностранного суда не являются равнозначными обстоятельствами.

В судебной практике сформирован подход, согласно которому сам факт применения к российскому лицу ограничительных мер может свидетельствовать о наличии затруднений в доступе к иностранному правосудию. В Тематическом

обзоре Верховного Суда Российской Федерации № 8/2026 указано, что введение персональных ограничений предполагает создание препятствий для участия подсанкционного лица в иностранном разбирательстве [5]. Однако такая презумпция не должна превращаться в безусловную невозможность признания любого иностранного акта. Она освобождает сторону от доказывания общеизвестного характера санкционного режима, но не отменяет исследования обстоятельств конкретного дела.

Особенно осторожно следует применять оговорку о публичном порядке. В Информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2013 г. № 156 публичный порядок определяется через фундаментальные принципы, обладающие высшей императивностью и составляющие основу российской правовой системы [6]. Несовпадение российского и иностранного регулирования само по себе не свидетельствует о нарушении публичного порядка. Происхождение решения из недружественного государства также не должно автоматически рассматриваться как такое нарушение. Иначе перечень оснований отказа фактически дополнялся бы новым условием, не предусмотренным процессуальным законодательством. Кроме того, российские граждане и организации сами могут быть заинтересованы в признании решений, вынесенных судами подобных государств, например когда иностранный акт подтверждает их право требования к российскому должнику или устанавливает юридически значимый факт.

Оговорка о публичном порядке применима тогда, когда последствия исполнения решения несовместимы с основными началами российского права. Санкционная дискриминация одной из сторон, лишение её реальной возможности быть выслушанной, взыскание, направленное на обход российских специальных экономических мер, либо злоупотребление иностранной судебной процедурой могут оцениваться с этой позиции. При этом российский суд обязан указать, какой именно фундаментальный принцип нарушается и в чём выражаются недопустимые последствия исполнения.

Показательным является определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26 июля 2024 г. № 304-ЭС24-2799 по делу № А45-19015/2023 [7]. Дело касалось иностранного арбитражного решения, а не акта государственного суда, однако выраженные Верховным Судом подходы имеют значение для всей системы трансграничного исполнения. Нижестоящие суды не оценили доводы российской стороны о невозможности оплаты судебных сборов и услуг представителей из-за отказов иностранных банков, а также о неполучении итогового решения. Судебные акты о признании были отменены, а дело направлено на новое рассмотрение. Значение указанной позиции заключается не в установлении общего запрета на исполнение решений, принятых в недружественных юрисдикциях. Верховный Суд потребовал исследовать, как ограничительные меры повлияли на конкретное разбирательство. Тем самым санкции получили значение юридически проверяемого обстоятельства, а не заранее установленного основания для отказа. При рассмотрении ходатайства российский суд должен последовательно установить источник ограничительных мер, период их действия, распространение на участника процесса, наличие препятствий для оплаты расходов и привлечения представителя, действия стороны по преодолению этих препятствий и влияние возникших ограничений на итог разбирательства. Только после такой проверки возможен вывод о наличии либо отсутствии основания для отказа.

В научной литературе подчёркивается, что оговорка о публичном порядке должна применяться в исключительных случаях и не может использоваться для скрытой проверки иностранного решения по существу [8, с. 39]. Данный тезис сохраняет значение и в санкционных условиях. Суд не вправе под видом защиты публичного порядка пересматривать выводы иностранного суда о размере задолженности, качестве исполнения договора или распределении коммерческих рисков. Получение определения о признании иностранного решения и выдача исполнительного листа переводят отношения в другую правовую плоскость. С этого момента применяется Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ

«Об исполнительном производстве» [9]. Иностранное происхождение первоначального судебного акта не изменяет полномочий судебного пристава. Исполнительным документом выступает лист, выданный российским судом, а действия по обращению взыскания осуществляются по российским правилам.

Судебный пристав не обладает полномочиями повторно проверять иностранное решение на соответствие публичному порядку или оценивать справедливость иностранного процесса. Эти вопросы разрешены судом на стадии экзекватуры. Задача пристава состоит в установлении имущества должника, наложении ареста, обращении взыскания на денежные средства и совершении иных исполнительных действий. Именно на этой стадии начинают действовать российские ответные экономические меры. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 95 установлен особый порядок исполнения отдельных денежных обязательств перед иностранными кредиторами, связанными с недружественными государствами [10]. В предусмотренных случаях денежные средства зачисляются на специальный счёт типа «С», а распоряжение ими осуществляется с учётом установленных ограничений. Указ Президента Российской Федерации от 3 мая 2022 г. № 252 предусматривает запрет на совершение сделок и исполнение обязательств перед лицами, в отношении которых применены российские ответные специальные экономические меры [11]. Поэтому даже допущенное к исполнению иностранное решение не всегда может быть исполнено обычным банковским переводом взыскателю.

Необходимо различать отказ в исполнении и изменение порядка исполнения. Если судебное решение признано, но перечисление денежных средств ограничено специальными экономическими мерами, право требования иностранного взыскателя не прекращается. Изменяется процедура его реализации. Денежные средства могут быть зачислены на специальный счёт, их трансграничный перевод может потребовать разрешения либо исполнение временно осуществляется с учётом установленного режима. Отказ в признании лишает иностранный судебный акт юридической силы на территории

Российской Федерации. Специальный порядок исполнения сохраняет эту силу, но ограничивает движение взысканных активов. Смешение данных правовых последствий приводит к неоправданному расширению оговорки о публичном порядке. Санкционные ограничения способны затронуть и российского взыскателя. После получения исполнения в России он может столкнуться с невозможностью перевести средства иностранному правопреемнику, исполнить обязательства перед зарубежным финансирующим лицом либо распорядиться активом, заблокированным иностранным государством. Поэтому санкционный фактор нельзя рассматривать исключительно как механизм защиты российского должника. Его воздействие зависит от статуса взыскателя, должника, валюты обязательства, вида имущества и юрисдикции финансового посредника.

Не вполне определённым остаётся значение принципа взаимности. Российские процессуальные кодексы преимущественно связывают признание иностранных решений с международным договором или федеральным законом. Вместе с тем судебная практика в отдельных случаях допускала обращение к взаимности и международной вежливости. Н. А. Шебанова отмечает, что признание иностранного акта требует баланса между государственным суверенитетом и эффективностью трансграничной судебной защиты [12, с. 25]. Санкционный режим может затруднить установление взаимности, поскольку суды иностранного государства способны отказывать в признании российских решений, ссылаясь на публичный порядок или ограничительные меры. Однако принадлежность государства к перечню недружественных не доказывает отсутствие взаимности. Для такого вывода необходимо исследовать законодательство и практику соответствующей страны, а не ограничиваться её внешнеполитическим статусом.

Гаагская конвенция 2019 г. о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или торговым делам предлагает унифицированную модель трансграничного исполнения [13]. Её положения предусматривают закрытый перечень оснований отказа, включая нарушение публичного порядка и ненадлежащее уведомление стороны. Однако

универсальный международный механизм признания судебных решений пока не получил для Российской Федерации того практического значения, которое Нью-Йоркская конвенция 1958 г. имеет в сфере международного коммерческого арбитража. Представляется обоснованным формирование в российском праве модели санкционно обусловленной исполнимости иностранного судебного решения. Её содержание состоит в том, что международные санкции не признаются самостоятельным основанием для отказа, но их последствия учитываются на каждой стадии трансграничного взыскания.На стадии выдачи экзекватуры оцениваются доступ стороны к иностранному правосудию, надлежащее извещение, исключительная компетенция российского суда и соответствие последствий исполнения публичному порядку. После выдачи исполнительного листа исследуются уже не справедливость иностранного разбирательства, а возможность применения конкретных мер взыскания с учётом российского законодательства о специальных экономических мерах. Для обеспечения единообразия практики целесообразно закрепить перечень обстоятельств, подлежащих проверке в санкционных делах. К ним следует отнести наличие персональных или секторальных ограничений, момент их введения, возможность оплаты судебных расходов, доступ к юридической помощи, получение процессуальных документов, позицию стороны относительно иностранной юрисдикции, наличие российского антиискового запрета, статус взыскателя с точки зрения российских ответных мер и допустимый способ перечисления взысканной суммы.

Необходимо также предусмотреть возможность указания в судебном определении особого порядка исполнения. Если иностранное решение может быть признано, но передача денежных средств взыскателю ограничена, суду следует разъяснить применение специального счёта или необходимость получения разрешения. Это исключит ситуацию, при которой судебный пристав вынужден самостоятельно разрешать сложный вопрос о соотношении исполнительного документа и специальных экономических мер.

Таким образом, международные санкции не отменили российскую систему признания иностранных судебных решений, но сделали её применение более сложным. Суд обязан оценивать не политическую принадлежность иностранной юрисдикции, а юридические последствия конкретных ограничений. Такой подход позволяет одновременно защитить право российской стороны на справедливое разбирательство и не допустить необоснованной изоляции российского правопорядка.

Исполнительное производство в санкционных условиях должно сохранять свою функциональную самостоятельность. После выдачи исполнительного листа судебный пристав не вправе возвращаться к вопросу о законности иностранного решения. Его задачей является исполнение российского исполнительного документа тем способом, который совместим с действующими специальными экономическими мерами. Разделение этих стадий обеспечивает правовую определённость и позволяет избежать превращения санкций в универсальный аргумент против любого иностранного судебного акта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ: ред. от 4 августа 2026 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532

3. Ерпылева Н.Ю., Максимов Д.М. Признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений: национальное и региональное измерение // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 200–222. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.2.200.222

4. Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 24. Ст. 3745

5. Тематический обзор Верховного Суда Российской Федерации № 8/2026 «О применении арбитражными судами законодательства о специальных экономических мерах, предусмотренных в целях защиты национальных интересов Российской Федерации»: утверждён постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 17 июня 2026 г. № 11А/2026

6. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений: информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2013 г. № 156 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 5

7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26 июля 2024 г. № 304-ЭС24-2799 по делу № А45-19015/2023 // Картотека арбитражных дел

8. Курочкин С.А. Нарушение публичного порядка Российской Федерации как основание для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений // Закон. 2013. № 2. С. 39–45

9. «Об исполнительном производстве»: Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849

10. О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами: Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 95 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10. Ст. 1472

11. О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций: Указ Президента Российской Федерации от 3 мая 2022 г. № 252 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 19. Ст. 3188

12. Шебанова Н.А. Признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений в практике российских судов // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. Т. 12. № 1. С. 22–43

13. Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или торговым делам: заключена в Гааге 2 июля 2019 г. URL: https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=137 (дата обращения: 09.11.2026)

Kozlovsky S.K.
student
Kazan Institute (branch)
All-Russian State University of Justice
(Kazan, Russia)

Idrisov A.M.
student
Kazan Institute (branch)
All-Russian State University of Justice
(Kazan, Russia)

Scientific advisor:
Zalyukova G.I.
PhD in Law
Kazan Institute (branch)
All-Russian State University of Justice
(Kazan, Russia)

IMPACT OF INTERNATIONAL SANCTIONS ON RECOGNITION AND ENFORCEMENT OF FOREIGN COURT JUDGMENTS IN RUSSIA

Abstract: *the article examines how foreign restrictive measures and Russian countermeasures affect recognition and enforcement of foreign court judgments. It argues that judicial recognition of a judgment, issuance of a writ of execution, and subsequent enforcement proceedings must be distinguished. It proposes a model of sanctions-dependent enforceability based on an assessment of the specific effects of restrictive measures rather than the origin of the judgment.*

Keywords: *foreign court judgment, recognition, exequatur, writ of execution, enforcement proceedings, enforceability, international sanctions, restrictive measures, public policy, exclusive jurisdiction, bailiff.*